

«БЕЗ ЛИТВЫ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НЕ БЫЛО БЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА...»

О.В. Бодров, кандидат исторических наук

Рецензия на книгу: И.П. Ермолаев. Полный университетский курс лекций по истории России. Том 1. Русь до воцарения Романовых (с древнейших времен до 1613 г.) – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. – 704 с.

Вышел в свет первый том фундаментального четырехтомного издания по истории России, которое полностью охватывает все основные периоды ее развития от общинного строя восточных славян и их соседей до начала XXI в. Его автор известный советский и российский историк, из-под чьего пера вышел не один десяток монографий и учебных пособий, заслуженный профессор Казанского университета Игорь Петрович Ермолаев в канун своего 85-летия обобщил результаты своей многолетней научной и преподавательской деятельности. В научной среде достаточно редким явлением бывают факты, когда один автор берется за столь масштабное издание, тем более, что трудно выдержать добротный и ровный уровень изложения материала на протяжении всех четырех томов, – но это как раз тот случай.

Как можно охарактеризовать жанр данного издания? В своем авторском вступительном слове профессор И.П.Ермолаев дает предельно ясную, но скромную оцен-

ку своего детища: «Предупреждаю читателя, что я не преследовал научно-исследовательских целей. Это не монографическая работа по какой-то проблематике или конкретной научной теме. Это именно курс лекций в объеме университетского учебного плана советского периода. Книга предназначена для всех интересующихся как отдельными вопросами отечественной истории, так и для изучающих процесс исторического развития нашей страны. Этот итог многолетней работы над лекционными курсами для студентов Казанского

университета, а в последние 15 лет одновременно и для студентов Казанской Духовной семинарии (с. 17). Далее автор уточняет, что материал «Курса» намного перекрывает возможности учебного плана, недостаточного для «полноценного обучения истории», а само издание скорее является чем-то вроде «обширного дополнительного материала к учебным занятиям. Однако подчеркивает автор, что хотя книга и не является строго научным исследованием, она «отражает итог моих научных занятий, особенно древнего и средневекового периодов российской истории, а также периода оформления Российской империи в XVIII в.» (с.17).

Каким образом можно суммировать особенности авторской концепции «Курса»? Ответ дается в предисловии к изданию.

1. «Курс» основан на марксистской методологии и построен на учете достижений советской исторической науки ее лучшего периода 1950–1970-х гг. При современном мозаичном взгляде на исторический процесс подход профессора И.П.Ермолаева является скорее важным достоинством в целом восприятии хода истории.

2. «Курс» не является строгим научным исследованием, ибо исследовательски рассмотреть весь процесс развития с возникновения общества и государства до сегодняшнего дня – невозможно одному человеку в одном произведении. Это именно «курс лекций», точнее – материалов к ним, ибо прочитать его текст невозможно в любое до-

пустимое время в самом обширном по объему учебном плане.

3. Автор рассматривает, в отличие от общепринятой в советской историографии преимущественного интереса к социально-экономической стороне исторического процесса, историю развития России с социально-политической точки зрения.

4. Обращает на себя внимание и другая сторона вопроса – история России рассматривается на широком историческом фоне международных отношений и связей русской истории с историей, как соседних народов, так и других государств. В связи с этим в тексте часто присутствуют исторические справки по тому или иному государству, которые помогают лучше понять конкретный историко-международный и внутренний процесс самой России. Профессор И.П.Ермолаев умно и тонко «вписал» историю России в мировую историю.

5. Периодизация исторического процесса в целом повторяет общепринятую и устоявшуюся в советской историографии систему, но, вместе с тем, в нее нередко вносятся уточнения, иногда имеющие принципиальный характер. Так, период «Киевской Руси» рассматривается фактически как предгосударственный, как начальный период развития русской (славянской) государственности, который приводит к образованию в Восточной Европе 12–13 самостоятельных политических обществ, впоследствии в процессе объединения создающих два

государственных организма: Великое княжество Литовско-Русское и Московскую Русь.

6. На начальном периоде политического развития России определенную организующую роль автор видит в участии в истории восточного славянства норманнов (варягов), которые и создают первоначальное политическое объединение в виде Древнерусского государства («Киевской Руси»). Первоначальным ядром этнополитического объединения в Восточной Европе называется Новгород, а не Киев, как обычно провозглашается в большинстве учебников истории России.

7. Большое значение в начальной истории России придается роли монгольского завоевания и участия Золотоордынской государственности в становлении Русского национального государства. Собственно восточнославянские земли никогда не были частью Золотой Орды, но они жили в тесном сотрудничестве и взаимодействии с ней. Версию о «татаро-монгольском иге» автор отмечает. По этому вопросу им проведено отдельное исследование в работе «Становление российского самодержавия» (Казань, 2004).

8. Несколько по-новому рассматривается проблема «Двух Россий» – «литовской» и «московской». Подчеркиваются не противоречия и враждебность между ними, а политическое соперничество в организации единой России. Историческая обстановка и логика событий привела к победе в этом процессе Москвы.

9. Развитие Московской Руси в XVI–XVII вв. рассматривается в свете борьбы «старого» (боярско-вотчинного) с «новым» (дворянско-поместным) началом, итогом чего явилась победа последнего. В связи с этим террор Ивана Грозного рассматривается как сложное явление, где наряду с жесточайшими злодеяниями просматривается их историческая логика и объективная необходимость.

10. В политике Петра I, наряду с прогрессивностью преобразований, подчеркивается деспотический характер организации правления самодержца и тяготы, испытанные народными массами по пути «вхождения страны» в систему европейских государств.

11. Политика ближайших наследников Петра I (Екатерины I, Анны Ивановны, Елизаветы Петровны, Петра III) показана в свете противоречивых тенденций, выражающих интересы разных слоев господствующего класса.

12. Екатерина II рассматривается как политический деятель, завершающий логический смысл и цели преобразований, начатых вторым царем из династии Романовых, Алексеем Михайловичем и продолженных его сыном – императором Петром I.

13. Первая половина XIX в. показана как процесс постепенного «гниения» крепостнической системы, понимание необходимости ликвидации которой было характерно еще для начального периода деятельности Екатерины II. Это вызвало взрыв возмущения пере-

довой части дворянского общества, неправильно понятой и оцененной правителями России.

14. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие страны после серии «великих реформ» Александра II характеризуется как противоречивая и непоследовательная политика, фактически углубляющая критическое состояние политической системы Российского государства.

15. Революции начала XX в. («Первая русская революция» в 1905–1907 гг., и «Февральская» в 1917 г., а затем «Октябрьская») показаны как логическое и неизбежное завершение социально-политического развития страны в предшествующие 2–3 века.

17. «Советский период» истории России представлен вполне объективно, без злобного отношения к большевикам, так характерного для постсоветского исторического дискурса 1990-х гг. Достаточно объемно показаны реальные достижения социалистической системы и образа жизни. При этом автор по-настоящему, вдумчиво и критически, пытается понять истоки и причины допущенных ошибок и их последствий.

18. По большинству крупных персоналий исторических событий профессор И.П.Ермолаев представил краткие биографические справки, которые, несомненно, обогатили канву исторического изложения (с. 12–15).

На примере первого тома «Курса» можно представить конструкцию всего издания, выдержанного

в последовательно единообразном учебно-методическом подходе. Так, во введении четко прописаны принципиальные позиции автора в отношении учебного издания и сформулированы такие понятия, как предмет исторической науки, ее марксистское понимание с точки зрения соотношения базиса и надстройки, роль народных масс и личности в истории, классовая борьба и влияние социальных теорий, а также неизбежная политизация исторической науки. Определены три основные задачи «Курса» – эпистемологическая, дидактическая и мировоззренческая и даже его традиционная периодизация от догосударственного периода (до середины IX в.) до постсоветского (конец XX в.).

Первый том «Русь до воцарения Романовых» состоит из трех частей, каждая из которых делится на разделы, а они, в свою очередь, на темы. Первая часть озаглавлена «Домонгольская Русь» и включает в себя четыре раздела, хронологически охватывающие первые тринадцать веков нашей эры.

Раздел 1 «Древнейший период» дает краткую предысторию восточнославянских земель и народов, их населявших, до образования государственности у славян. Так выделяются автором крупные государствообразующие объединения из числа соседей, среди которых Скифское и Боспорское царства на территории Крыма, Гуннская держава и Тюркский каганат в степях Восточной Европы, Хазарский каганат на Северном Кавказе

и Великая Болгария в Приазовье, а также редко упоминаемое тюркское государство Волжская Булгария в Среднем Поволжье. Именно в окружении таких серьезных этнополитических образований, в основном кочевых, шел процесс распада кровно-родственных отношений, роста имущественного неравенства и военной демократии, а вместе с тем, и первых попыток политического объединения славянских племен в союзы. Автор делает вывод о сложном этногенезе тюркских, алтских, финно-угорских и славянских племен на обширной территории от Балтики до Черного моря и считает именно многоэтнический характер российского менталитета залогом прочности современной государственности (с. 70).

В разделе 2 «Древняя Русь в IX – начале XII вв.» рассматривается период становления и развития Древнерусского государства, хронологически охватывающей примерно 300 лет – с середины IX в. и до 30-х гг. XII в. Автор подчеркивает раннефеодальные черты и хозяйственную сущность государственности восточных славян, носивший характер не столько земледельческого, сколько торгово-посреднического объединения, возникшего на основе контроля торгового пути «из варяг в греки», а также борьбы за Волжско-Камский («сарацинский путь») и торговые пути на Балканах (с. 75). При этом государство формировалось первоначально с центром не в Киеве, а в Новгородских землях при активном участии варягов (русов), которые

создали надплеменную территориально-политическую структуру с опорой на торговлю и местные промыслы. Прослеживается автором и этногенез термина «русь», который, будучи норманнским по происхождению, постепенно переносится на восточных славян и их землю (с. 86). Расцвет Древнерусского государства автор связывает с правлением Владимира I и Ярослава Мудрого и укреплением единства славянских племен посредством их христианизации, созданием первого законодательного правового поля («Русской Правды») и приверженности правящей династии Рюриковичей. Однако рост феодальной собственности на землю приводит к укреплению местной знати (боярства), росту городов и, в конечном итоге, обособлению и распаду государства на княжества («отчины»).

Раздел 3 «Русские княжества в XII – начале XIII вв.» показывает необратимость процесса распада Древней Руси и его причины, среди которых, одной из важнейших, стала постепенная ликвидация торгового транзита «из варяг в греки» в связи с упадком Византийской империи. Автор отмечает, что на обломках Киевской Руси возникли два государства: Московская Русь и Великое княжество Литовское или Русско-Литовское государство (с. 126), а Киев превратился в столицу одного из небольших княжеств. К середине XII в. образовалось 13 самостоятельных государств на месте бывших 12 племенных объединений, основная часть которых в

XIII–XIV вв. (9 бывших княжеств, т.е. не менее 60 % территории Киевской Руси) вошла в состав Великого княжества Литовского (основанного в XIII в.) и Польши. В то время как территория, находившаяся под властью Золотой Орды к середине XIV в., составляла не более 25–30% земель бывшей «державы Рюриковичей» (всего 3 русских государства) (с. 128, 130). Следует заметить, что автор оценивает феодальную раздробленность не столько негативно, как регресс в развитии Древнерусского государства, но как его закономерный этап, через который прошли все крупные державы средневековой Европы, о превращении его в своеобразную федерацию княжеств с номинальным главой – Киевским князем. В борьбе за великокняжеский престол двух основных территориальных объединений юго-западные князья (галицко-волинские) стремились опереться на поддержку европейских стран и на католическую церковь, в то время как северо-восточные князья получили неожиданную помощь от восточных завоевателей – Золотоордынских правителей, что, по мнению автора, указывает на спорность утверждения о «монгольском иге» на Руси (с. 146).

Раздел 4 «Русь в XIII в.» интересен не только тем, что в нем повествуется о самоотверженной борьбе русских княжеств против экспансии западных феодалов (немецких, шведских, датских, венгерских и польских), а также с монгольским нашествием. Автор включает сюда

необходимый материал об образовании государства Золотой Орды, взаимоотношений с ним русских северо-восточных земель на правах вассалитета и значении геополитического выбора в пользу русско-ордынских отношений в противовес проевропейским и прокатолическим галицко-волинским и русско-литовским связям (с. 202, 212–213, 228–232.)

Вторая часть тома носит название «Объединение русских земель и образование единого Русского государства» и состоит из двух разделов, хронологически охватывающих период со второй трети XIII в. – до второй трети XVI и завершается правлением Василия III.

В Разделе 5 «Объединение русских земель» подробно освещается процесс объединения с момента перехода Великого княжения во Владимирско-Суздальскую Русь, а после ее удельного дробления и возвышения московских князей изложение доводится до окончания феодальной войны второй четверти XV в. Автор прослеживает сложный путь борьбы за великокняжеский титул в условиях продолжающейся политической раздробленности северо-восточных княжеств, в котором переплетались экономические, социальные, церковные и престолонаследные проблемы, рассматривает различные формы земельной собственности, феодальной иерархии и вассалитета («служебные князья», бояре и «дети боярские», «слуги под дворскими», «закладни» и т.д.), а также систему управления все

более усложнявшегося политического государственного механизма (с. 248–261).

Не совсем традиционной является точка зрения И.П.Ермолаева на роль Великого княжества Литовского в процессе объединения русских земель в период безвременья и раздробленности XIII–XIV вв. Он указывает на то, что обычно в отечественной научной литературе московские князья предстают «собирателями», а литовские – чужеземными завоевателями, разорителями. Однако при этом забывается, что Русью в XIII–XIV вв. чаще всего называли не Северо-Восток, а земли в составе Великого княжества Литовского, в котором в период расцвета славянские земли составляли около 90% его территории, а собственно «литва» была этническим привилегированным меньшинством. Жителей же Северо-Востока именовали по столицам земель: «тверичи», «московичи», «суздальцы», «рязанцы» и т.д. А в дальнейшем за подданными Московского государства прочно закрепилось название «московитян», «московитов». Поэтому автор делает, вслед за академиком И.Б.Грековым, количественный вывод о том, что до 80-х гг. XIV в. Литовское княжество выступало с общерусской программой и фактически вело процесс объединения всей Русской земли, а Москва активно продолжила (перехватила) его лишь после Куликовской битвы (с. 261–263). Историческое значение этого сражения огромно, поскольку была сдержана пер-

вая внушительная победа Руси над Золотой Ордой. Вместе с тем, И.П.Ермолаев уточняет, что выступая против Мамая Дмитрий Донской формально боролся не против врага Золотой Орды как государства, а как бы выступал в защиту золотоордынского трона против восставшего сепаратиста «Мамаю, врага законного хана». Характерно, что придя к власти после Куликовской битвы, хан Тохтамыш объявил, что он победил общего с Русью врага. Дальнейшие события (поход Тохтамыша на Москву и отъезд из нее Дмитрия Донского без сопротивления) подтверждает тот факт, что русские земли продолжали находиться в вассальной зависимости от Орды, однако уменьшилась тяжесть податей и резко возросла степень самостоятельности Руси (с. 306–307). Автор также прослеживает историю Золотой Орды в завершающий период ее существования, а после распада вся ее территория постепенно войдет в состав России (с. 320). Особое место в политике объединение русских земель вокруг Москвы, по мнению автора, принадлежало явлению, получившему наименование феодальной войны второй четверти XV в., основные причины которой заключались уже не в противостоянии Москвы и Твери как в XIV в., а в личных противоречиях среди потомков Ивана Калиты внутри Московского княжества. Выделяются фактически пять этапов войны и причины победы в ней Василия II «Темного», фундаментом которой стал т.н. «госуда-

рев Двор», опиравшийся на служилое дворянство и золотоордынские связи (с. 338–339).

Раздел 6 «Образование единого Русского государства» демонстрирует завершение процесса политического объединения Северо-Восточной Руси и образования Московского государства. Автор отмечает, что к середине 1480-х гг., после «Великого стояния» на реке Угре, фактически завершается объединительный процесс разнородных северо-восточных и северо-западных земель и на карте мира впервые появляется единое Русское государство. Происходит это в период правления Ивана III и отныне главная задача русских государей вплоть до середины XVI в. — его централизация, т.е. приведение к единому целому в хозяйственном, военном, управленческом, идеологическом и законодательном планах. Автор простым и доступным языком излагает сложные проблемы государственного строительства, начиная с изменения титула, к которому («Великий князь») отныне добавляются слова «вся Руси» с перечислением земель, затем принятия нового герба (перенятого из Твери) и государственной печати, на которой к прежнему московскому гербу св. Георгия Победоносца присоединяется византийский герб — двуглавый Орел, возникновения пышного придворного церемониала коронации с бармами и шапкой Мономаха (с. 366–369). Затем автор анализирует изменение роли «Боярской думы» в управлении неоднородностью ее состава,

появление «Ближней думы» и Большого Дворца, в недрах которого начинают формироваться первые приказы (казенный, полевой, ямской, разрядный, поместный и т.д.) Не менее сложной и пестрой предстает и социально-экономическая структура Московской Руси при Иване III. Автор дает исчерпывающую характеристику основным категориям зависимого сельского населения от «черных людей» до холопов, а также классифицирует привилегированную часть господствующего класса на 2 слоя: родовитое боярство и «рядовое» (служилое дворянство). Акцентируется внимание также на формах феодального владения, росте повинностей крестьян и, как следствие, возрастание разных форм классовой борьбы в ответ на жесткое оформление поместной системы, как основной формы феодального хозяйства в последующие столетия (с. 388–397).

Наконец, в подтверждение факта централизации Московского государства автор впервые включает главы по внешней политике Ивана III и его сына Василия III, поскольку говорить о единой внешней политике в прежней Московской Руси не представлялось возможным в условиях политической раздробленности и внутренней вражды. Выделяются главные направления внешнеполитической деятельности, среди которых русско-литовские, русско-датско-шведские, московско-казанские и взлет сношений с Западной Европой (с. 418–427). Дело основате-

ля единого Русского государства продолжил Василий III, который, впервые по завещанию своего отца был назначен государем, а братья и прочая родня стали его подданными. Правление Василия III, согласно автору, стало продолжением и полной преемственностью политики Ивана III (с. 431). Объединительная политика охватывала внутренние и внешние направления, концептуальное оформление доктрины «Москва – Третий Рим» преследовало те же цели, как и усиление контроля над Церковью, сокращение привилегий боярской аристократии и, практически, те же направления внешней политики подтверждают целенаправленно усиление централизации молодого государства. Вторая часть тома завершается четкими выводами об источниках правления Василия III и рождении (после долгих лет бездетности и различных слухов) следующего законного наследника единого государства Ивана IV (с. 452).

В третьей части первого тома «Иван IV и Смута» речь идет о самом, пожалуй, драматичном периоде русской средневековой истории, когда прервалась династическая линия Рюриковичей и наступило безвластие и безвременье, а судьба молодого государства висела на волоске.

Раздел 7 «Иван Грозный» целиком посвящен эпохе правления одного из самых сложных и противоречивых русских царей и хронологически доводится до Земского собора 1598 г. и избрания Бориса

Годунова на царство. Интересным представляется оценка автором периода пятилетнего регентства Елены Глинской при малолетнем царе и правления Боярской думы («своеволие бояр») вплоть до воцарения Ивана IV в 1547 г. В отличие от долгое время бытовавшей в историографии точки зрения о том, что все правление «боярского периода» шло по пути разрушения централизованной системы управления, укрепления власти наместников и усиления эксплуатации простого народа автор пишет, что она «не может быть принята, так как она не подтверждается даже внешним перечислением осуществленных мер в 1538–1547 гг.» (с. 468). Напротив, боярские группировки боролись не за ослабление центральной власти, а за обладание ею. Политика централизации и насущные реформы продолжались как при Елене Глинской (единая монетная система, венчание на царство Ивана IV и реорганизации местного управления), так и при Шуйских (введение губных учреждений укрепление дворянства, строительство Китай-города и др.)

Первый этап правления Ивана IV был связан с реформами «Избранной Рады» в конце 1540–1550-х гг. и оценивается в «Курсе» позитивно, т.к. последовательно решались две главные задачи: усиление центральной власти и укрепление социальной опоры русского самодержавия (с. 473). Целенаправленно, без эксцессов были осуществлены важнейшие государственные мероприятия: принят новый Судеб-

ник 1550 г., введено земское самоуправление, проведен Стоглавый собор в 1551 г., «изба» вытеснялась «приказами», появилось первое регулярное стрелецкое войско, единое налогообложение с «сохи» и др. Не менее впечатляющей была и внешняя политика, проводимая окружением молодого царя, особенно ее восточное направление. Так, окончательно был решен болезненный и крайне важный «Казанский вопрос», историческое значение которого автор видит в том, что с присоединением Казани «верховенство политической власти на всей основной территории Восточной Европы и Приуралья из рук золотоордынских Чингизидов перешло в руки московских Рюриковичей» (с. 493). Кроме того, открылась дорога для колонизации Сибири. Подробно освещается и западный вектор внешней политики, который, пожалуй, впервые так ясно и агрессивно проявился, именно, у Московского государства и объединил в одно целое и неудачную Ливонскую войну, борьбу со Швецией, Литвой, Данией, Польшей. В целом прогрессивный и плодотворный период правительства «Избранной рады» завершился к 1559 г., когда прекратились сколько-нибудь заметные реформы во внутренней жизни страны и начались опалы на ее членов. Тем не менее, автор подчеркивает, что удачи и неудачи внешней политики Ивана IV во многом определили ориентацию России на последующие полтора столетия. Если на западном направлении его ждала изо-

ляция, а вопрос о воссоединении западно-русских земель в едином Русском государстве был отложен на долгие десятилетия в связи с объединением Польши и Литвы, то на восточном векторе Московская Русь оставалась практически единственным наследником огромной былой Золотоордынской державы XIII–XV вв. (с. 521–522).

Второй этап в правлении Ивана IV, (получившего тогда же прозвище Грозный) или опричнину, автор оценивает как репрессивный, но при этом не отказывает ему в социально-политической целесообразности. И.П.Ермолаев указывает на пролог последующего кровавого террора а, именно, кризис 1553 г., когда молодой царь Иван заболел «тяжким огненным недугом». Во время его болезни обнажались противоречия в элите и часть ее присягнула двоюродному брату царя Владимиру Старицкому. Кризис власти совпал с начавшейся «скудностью» в государстве: массовые выступления крестьян и посадских людей, распространение ереси, большая война с Казанским ханством уже после взятия Казани (1552–1557) (с. 523). В самой политике опричнины автором выделяются 6 этапов, которые, помимо самой опричнины (1565–1572), охватывают более длительную эпоху 1560–1584 гг. При оценке итогов опричнины подчеркивается, что наряду с рациональными политическими мероприятиями, направленными на усиление централизации, преодоления сопротивления родовитых бояр и укреп-

пление служилого дворянства за счет крестьянского закрепощения, присутствовала и ярко выраженная иррационально-эмоциональная составляющая, которая порождалась, в том числе, неуравновешенной сикхикой царя и привела к тяжелым и разорительным последствиям для страны, породив эпоху беззакония, что, в свою очередь, привело к Смутному времени (с. 541).

Подводя итоги правления Ивана Грозного автор аккуратно суммирует долгие 37 лет в конкретные позитивные результаты внутренней и внешней политики (с. 549). Интересными и уместными представляются приведенные автором многочисленные и противоречивые историографические оценки самого Ивана Грозного как личности высокообразованной и незаурядной, однако глубоко трагичной в силу паталогической жестокости и царившего культа насилия, пронизавшего все европейское средневековье и давшее ему эпитет «мрачное» (с. 549–561).

В разделе 8 «Смутное время» освещается эпоха безвременья, связанная с прекращением правящей династии Рюриковичей, гражданской войной и народной консолидацией против иностранной интервенции. Автор формулирует основные причины возникновения, сущность и дает периодизацию «Смутного времени». К причинам он относит политику закрепощения крестьян помещиками, реваншистские настроения боярства и возвышение дворянства, обострение отношений правитель-

ства со служивыми людьми «по прибору», особенно с казачеством, хозяйственный кризис после «опричных лет» и голод 1601–1603 гг., а также династический кризис 1598 г. «Смуту» автор определяет как сложное явление российской истории, в котором переплелись различные векторы и движущие силы и понять которую можно только, «при синтезе всех противоречивых явлений» (с. 581). Что касается периодизации, то автор указывает на отсутствие общепринятого деления «Смутного времени» в исторической науке. Вместе с тем наиболее распространенным является выделение трех основных периодов каждый, из которых подразделяется на 2 этапа: «династический» (1598–1606); «социальный» – подъем классовой борьбы и гражданская война (1606–1609); «патриотический» (освободительный) против иноземцев (1610–1618) (с. 583).

Анализируя сложные перипетии эпохи, когда правда и вымысел шли рука об руку, автор выделяет новый для Руси феномен «самозванства», который появляется в обстановке неопределенности сразу же после смерти последнего царя из Рюриковичей – Фёдора Ивановича в январе 1598 г. и становится важным орудием в политической борьбе разных влиятельных групп за власть (с. 586–587). Автор ярко описывает политическую авантюру обоих Лжедмитриев, более подробно останавливаясь на фигуре первого из них. Интересным представляется трактовка

И.П.Ермолаева малоизученной «проблемы Георгия» (Григория Отрепьева), когда автор шаг за шагом разбирает его мотивы, поступки и соотносит их с возможностями исторической эпохи, подчеркивая при этом, что основные просчеты Григория Отрепьева лежали в области социальной психологии. Он оставался «несистемным» человеком, не смог вписаться в жесткие реалии политической системности «Смутного времени», но неожиданно открыл собою целую плеяду самозванцев в последующей российской истории (с. 607).

Автор убедительно показывает, как «Смута», охватившая Московское государство, периодическая смена лиц и форм правления (царь В.Шуйский, «семибоярщина», двоевластие, «правительство Владислава» во главе с М.Г.Салтыковым, явление Лжедмитрия III) привела страну в состояние многовластия, и значит, неуправляемости, а отъезд «Великого посольства» к Сигизмунду III с последующим пленением, казалось, обезглавил русскую элиту и лишил ее воли к сопротивлению. Но в момент наивысшего губительного кризиса «верхов» в Москве вектор самовыживания и самосохранения перешел по призыву патриарха Гермогена к народным (посадским) низам в регионах, где и было создано из местных «лучших людей» временное общерусское правительство «Совет вся земля». Именно второе временное правительство во главе с купцом Мининым и князем Пожарским, сформированное в Ярославле, и

его ударная сила – Второе («общенародное») ополчение разгромило поляков, освободили столицу страны и собрали «Земский собор» 1613 г., на котором была основана первая (иона же последняя), собственно, русская династия Романовых (с. 630–644).

В завершении хотелось бы особо отметить материал о культуре, который не всегда встретишь даже в общеисторической научной литературе, а в учебной, он если и представлен, то в крайне усеченной форме. Но для автора проблема развития русской культуры является не просто данью традиции и не столько «культурной» иллюстрацией политического и социального вектора истории, но важным самоценным повествованием, имеющим задачу понимания домонгольской культуры как культуры Киевской Руси, сформировавшейся на основе восточнославянского этноса с включением варяжского и степного (тюркского) элементов. Именно об этом идет речь в разделе 3 (тема 3.6) «Русская культура домонгольского периода», в котором автор прослеживает постепенное складывание разрозненных, разноязыких, синкретичных элементов материальной и духовной жизни славянских племен в более менее стройную, самостоятельную и открытую для контактов древнерусскую культуру. Составив собственное ядро первоначально из славянской языческой традиции и письменности она активно видоизменяется с принятием православного христианства из Византии и

алфавитакириллицы из Болгарии. Христианская идеология отныне становится цементирующим фактором в становлении единого древнерусского этноса, в культурный багаж «которого органично вливались разнохарактерные достижения» более и менее «продвинутых» соседей: Византии, Болгарии, стран Западной Европы, южных и западных славян, Скандинавии, кочевой степи и Ближнего Востока (с. 193). ...Что касается развития русской культуры в эпоху Московского государства, то главное ее отличие от древнерусской состояло в том, что она формировалась на более широкой географической и этнокультурной основе, включавшей в себя не только Северо-Восточную Русь со славянским населением, но и народы, входившие в состав молодого государства по мере его роста: финно-угорские, тюркские, сибирские, кавказские, балтийские и т.д.

В разделе 8 (Тема 8.6) «Русская средневековая культура (XIV–XVI вв.)» автор как раз и демонстрирует становление собственно, русской культуры в постмонгольский период объединения земель вокруг Московского княжества и, что особенно важно, во взаимодействии с Русско-Литовским и Золотоордынским государствами. Автор указывает на негативные последствия монгольского нашествия XIII в., надолго затормозившего культурное развитие русских земель: исчезли или деградировали многие виды ремесел, была утрачена техника и прекратилось совершенст-

вование некоторых видов живописи, резьбы по камню, керамики, перегородчатой эмали, регресс коснулся летописания и грамотности населения. Однако новый подъем культуры начался с середины XIV в., чему способствовала победа на Куликовском поле. Именно с этого момента отмечается рост национального самосознания, значения общей борьбы за независимость, за объединение страны (с. 644–645). Идея необходимости единства Руси проходит красной нитью через литературу, религию, все виды искусства и народного творчества, а во времена «Смуты» достигает своего апогея на волне общерусского патриотизма, охватившего самые дальние «уголки» земли и подтвердившего сам факт наличия единого централизованного Русского государства. Своего расцвета достигает зодчество, градостроительство, иконопись, летописание, прикладные виды искусства, появляются и развиваются книгопечатание, монастырские школы, публицистика, новые виды научных и технических знаний, общественно-политическая мысль, сформулированная предельно емко: «Москва – третий Рим» и т.д. (с. 647–659). Русская культура усложняется, становится все более общероссийской, многообразной, включающей в себе различные этнокультурные взаимодействия, наряду с величием и пышностью придворной культуры впервые «начинает проявлять себя и угнетенный, классово заостренный «плебейский» элемент.

Нельзя не упомянуть о такой важной составляющей учебного издания, как приложение. Здесь привлекает внимание своей оригинальностью генеалогическое древо Рюриковичей (2 таблицы), династия Гедимины (Великих князей литовских) и Чингизиды (золотоордынская ветвь плюс генеалогия казанских ханов). Все таблицы составлены сыном автора – А.И.Ермолаевым.

Настоящее издание «Полного курса университетских лекций по истории России» И.П.Ермолаева,

без сомнения, стало заметным явлением в отечественной научной и учебной литературе. По уровню охвата исторического материала, его аналитическому осмыслению, оригинальности в постановке и оценке ряда дискуссионных проблем, ясному и сбалансированному изложению текста труд И.П.Ермолаева будет интересен и займет достойное место на книжной полке студента, магистранта, аспиранта и преподавателя, он будет интересен также всем любознательным читателям книг по истории Отечества.

Сведения об авторе: Бодров Олег Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: ovbodrov@mail.

Аннотация: В настоящей статье анализируется «Полный университетский курс лекций по истории России. Том 1. Русь до воцарения Романовых (с древнейших времен до 1613 г.)». В статье охватывается материал с начальных моментов русской политической истории и Древнерусского государства до Земского собора 1613 г. Таким образом прослеживается история Российского государства от Рюриковичей и до воцарения Романовых. В статье акцентируется внимание на ближайших соседях Руси: Русско-Литовском государстве и Золотой Орде. Выделяются основные новаторские подходы профессора Ермолаева к традиционной истории России, а также анализируется содержательная сторона самого курса. Отличительной особенностью первого тома является оригинальная таблица генеалогий Рюриковичей и Ченгизидов. В работе разъясняются основные отличия культуры Киевской Руси от культуры формирующегося многонационального Российского государства.

Ключевые слова: курс лекций по истории России, Киевская Русь, феодальная раздробленность, Северо-Восточная Русь, Владимиро-Суздальское княжество, Московское княжество, Русско-Литовское государство, Золотая Орда, феодальная война, объединение русских земель, единое Московское государство, политика централизации, Опричнина, Смутное время, русская средневековая культура.

Abstract: This article analyzes the "Full university course of lectures on the history of Russia. Volume 1. Rus before the accession of the Romanovs (from ancient times to 1613)." The article covers material from the initial moments of Russian political history and the Old Russian state to the Zemsky Sobor of 1613. Thus, the history of the Russian state from the Rurikovichs to the accession of the Romanovs is traced. The article focuses on the nearest neighbors of Russia: the Russian-Lithuanian state and the Golden Horde. The main innovative approaches of Professor Ermolaev to the traditional history of Russia are highlighted, as well as the content side of the course itself. A distinctive feature of the first volume is the original table of genealogies of the Rurik and Chengizids. The work explains the main differences in the culture of Kievan Rus from the culture of the emerging multiethnic Russian state.

Keywords: lecture course on Russian history, Kievan Rus, feudal fragmentation, North-Eastern Russia, Vladimir-Suzdal principality, Moscow principality, Russian-Lithuanian state, Golden Horde, feudal war, unification of Russian lands, single Moscow state, centralization policy, Oprichnina, Time of Troubles, Russian medieval culture.